

ПЛАВИЛЬНЫЙ ТИГЛЬ ВИЛЬГЕЛЬМА ГУМБОЛЬДА И ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА ГУСТАВА ШПЕТА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ ТВОРЧЕСТВА

В.П. ЗИНЧЕНКО



Зинченко Владимир Петрович — профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, академик РАО, доктор психологических наук. Автор около 400 опубликованных работ, многих книг и учебников, среди которых: «Посох Мандельштама и трубка Мамардашвили» (1997), «Мысль и слово Густава Шпета» (2000), «Психологические основы педагогики» (2002).

Резюме

Автор локализует «место» творческого акта в виртуальном плавильном тигле. В нем плавятся внутренние формы слова, образа и действия. Внутренняя форма слова включает превращенные формы образа и действия, внутренняя форма образа — такие же формы слова и действия, наконец, внутренняя форма действия — такие же формы слова и образа. Все они включают также смыслы и значения (соответственно вербальные, перцептивные и операциональные). Выдвинута гипотеза, что каждая из внутренних форм представлена соответствующими моторными программами возможной локализации слова, образа и действия. Благодаря оперированию (переплавке) виртуальными программами рождается новая внутренняя форма. Таким образом «на выходе» из плавильного тигля создается новое слово, или новый образ, или новое действие.

Слово — principum cognoscendi

Мы все не столько знаем, что Слово — это Бог, слово — это целый мир, слово — микрокосм сознания, слово — плоть (*а хлеб — веселье*), сколько верим в это. В.Ф. Гумбольдт

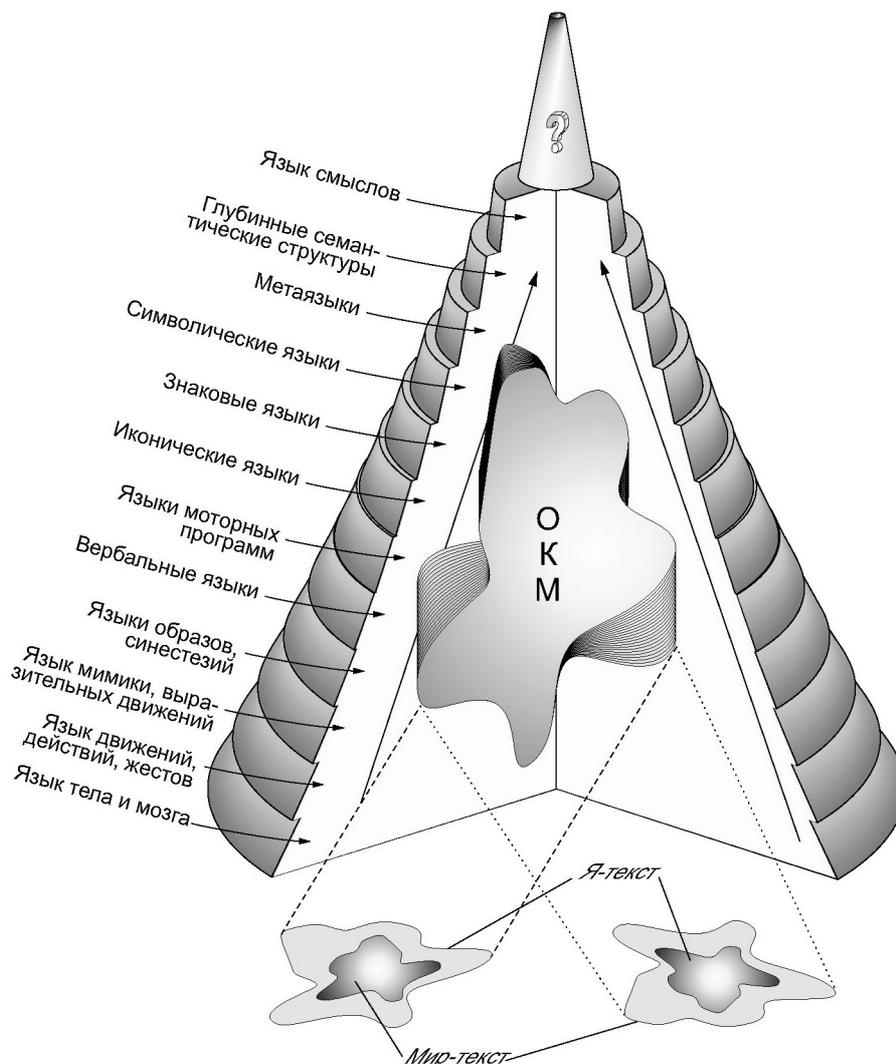
и Г.Г. Шпет, создавшие учение о внешних и внутренних формах языка и слова, открыли новые пути к пониманию подобных удивительных сентенций, ставших схемами человеческого сознания. Все глубже проникая во внутреннюю форму слова,

Г.Г. Шпет пришел к заключению, что слово не «третий» после чувственности и рассудка, а единственный источник познания, объемлющий как *познавательное* целое остальные, т. е. он рассматривал слово как начало и *principium cognoscendi* и, следовательно, как начало, источник и принцип творчества. Настоящая работа представляет попытку понимания этого категорического утверждения, на первый взгляд, противоречащего *очевидной* роли чувственности, образов, действий, аффектов в познании и творчестве. Для решения поставленной задачи мне придется сначала выйти за пределы проблематики внешней и внутренней формы слова в их гумбольдтовско-шпетовской трактовке и обратиться к этой обманчивой и провокативной очевидности. Хорошо известно, что мир, который человек учится читать и в котором он учится действовать, можно представить как текст, написанный на множестве языков. В. Гете утверждал, что природа непрестанно говорит с нами и все-таки не выдает свои тайны. И все же ряд языков, на которых мы говорим с природой, с себе подобными и с собой, в той или иной степени знакомы и доступны человеку. Он овладевает языками тела, движений, жестов (мимики, пантомимики, танца), аффектов, эмоций (революционные герои Андрея Платонова мыслили исключительно накалом своих воспаленных чувств). Добавим иконические, знаковые, символические, вербальные языки. Говорят о метаязыках, языках глубинных семантических структур. Оставим любителям экзотики языки мозга и экстрасенсорные языки. Перечисленные языки могут нести перцептив-

ные, предметные, операциональные, аффективные, вербальные и концептуальные значения и смыслы. Ситуация напоминает вавилонское столпотворение языков, в котором не так-то просто разобраться. И тем не менее человек создает картину, образ или образно-концептуальную модель мира (см. рис. 1). Предвосхищая дальнейшее, скажу, что это, видимо, происходит не хаотически, а посредством своего рода языкового «пула», обволакивающего, обнимающего мир и проникающего внутрь него. Участники пула обеспечивают включение в такой образ всех мыслимых и немыслимых перцептивных, операциональных, вербальных и пр. категорий. Так или иначе человек достаточно эффективно использует в поведении, деятельности, мышлении, созерцании построенную им картину мира. Иное дело, насколько он ее осознает и способен ли явить образ мира в слове, в картине, в действии, в поступке, в схеме, в формуле и т. д.? Некоторым это удается, но даже в этом случае они не могут вразумительно рассказать, как им это удалось. А.А. Ухтомский когда-то сказал, что люди сначала научаются ходить, а потом задумываются, как им это удалось. А если задумываются, то останавливаются! То же и с мышлением, и с творчеством. Э. Клапаред в свое время заметил, что размышление стремится запретить речь. Видимо, для того, чтобы уступить место действиям со словом действиям с предметами, с образами, знаками, символами, аффектами, наконец, с самими же действиями. Иными словами, уступить место другим языкам, выступающим в качестве средств не только коммуникации, но и интеллекта (в том числе у живот-

Рис. 1

Языки описания внешней и внутренней реальности



ных и у детей, до того как последние начали говорить). Казалось бы, все очевидно, нужно только уступить место невербальным или довербальным формам языка и интеллекта.

Но как же тогда быть со столь решительно сформулированным Г.Г. Шпетом положением о том, что слово есть

principium cognoscendi? Чтобы разобраться в этом, упростим задачу и выберем из «вавилонского столпотворения языков» три: языки слов, действий и образов. Здесь понадобятся понятия внешней и внутренней формы не только применительно к слову, но также к действию и образу. Начнем со слова.

Гетерогенность внутренних форм слова, действия и образа

Г.Г. Шпет, начиная с книги «Явление и смысл» (1914) и до конца своих дней, развивал гумбольдтовское и собственное учение о внутренней форме слова, оказавшейся неизмеримо более сложной по сравнению с внешней. Для меня до сих пор остается загадкой, как ему это удалось. Ему помог не только энциклопедизм, но и знание 17 (!) языков, которые в его голове не вызвали столпотворения. Кажется даже, что Г.Г. Шпет видел язык (слово) изнутри (У Х. Ортеги-и-Гассета есть посвященная В. Гете статья «Видение изнутри»). У него слово действительно выступало как плоть, а не как воздушное ничто. В слове есть предметные, называемые им онтическими, внутренние формы. Предметный остов и структура слова — не просто отражение, отпечаток существующей вещи или предметная отнесенность слова. Предметный остов — это задание, которое содержится в слове, которое может быть реализовано, воплощено (ср. с более поздней трактовкой Дж. Остина: слово как *performative*). Предметный остов, следовательно, активен, но он же является «реципиентом»: через слово ему сообщается смысл.

Далее Г.Г. Шпет характеризует внутренние формы слова в собственном смысле. Они вклиниваются между морфологическими и онтическими формами. Это логические, в высшей степени динамические формы, формы смыслового содержания, «целая толпа движущихся в разные стороны смыслов» (ср. с пучками смысла, торчащими из слов у

О. Манделъштама). В слове присутствует своя онтология, отличная от поверхностной формальной логики. Ж.-П. Вернан назвал бы ее логикой без логоса. Внутренняя *конструктивная* форма делает слово *глаголом*, т. е. действием, даже демиургом.

Не буду далее вдаваться в описание синтаксических и синтагматических внутренних форм слова. В целом семасиологическое ядро покрыто слоями или одедами, между которыми наблюдаются сложные взаимоотношения и взаимодействия. Имеется, например, игра логических форм и форм выражения (синтагм). Бывает, что морфема как звуковое образование может до известной степени, «как лава, затвердеть и сковать собою смысл, но он под ее поверхностью клокочет и сохраняет свой пламень» (Шпет, 1989, с. 389). Этот образ нам понадобится в дальнейшем. Обращаю внимание на то, что множество внутренних форм слова, выявленных и детально описанных Г.Г. Шпетом, можно рассматривать в качестве глубинных семантических структур, постулированных в качестве *врожденных* Н. Хомским. Как станет ясно из дальнейшего, это слишком сильное утверждение.

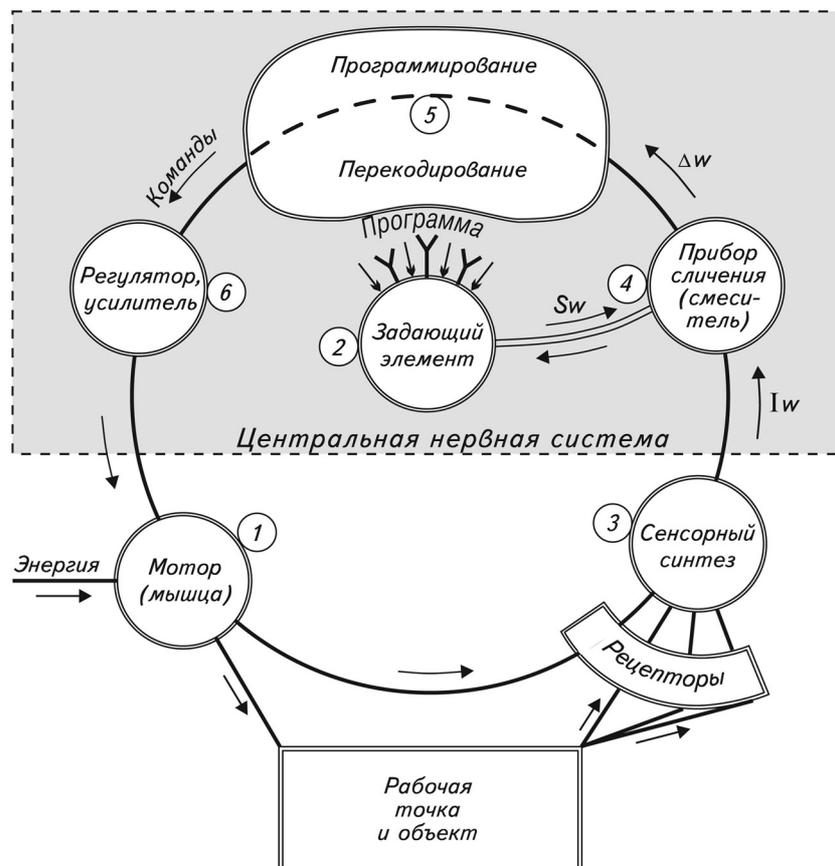
Сделаю паузу в описании внутренних форм слова и перейду к языку действий. В начале 1920-х годов будущий создатель физиологии активности (психологической физиологии) Н.А. Бернштейн (1896–1966) занялся изучением *живого движения*. Он считал недостаточными для его описания стимульно-реактивные, реактологические и рефлексологические схемы. Живое движение — не реакция, а акция; его нужно описывать не метрическими, а топологическими

категориями; каждое движение уникально, как отпечаток пальца; оно не повторяется, а строится, поэтому упражнение есть повторение без повторения. Ударное движение молотобойца — монолит, но его движения, наложенные одно на другое, похожи на паутину на ветру. В течение нескольких десятилетий Н.А. Бернштейн, изучая трудовые, спортивные движения, движения скрипача, пианиста и т. д., проникал во внутреннюю структуру (форму) живого движения и действия. Он понимал, что

для построения движения мало знать, как оно выглядит снаружи, нужно увидеть (почувствовать) его изнутри. Это похоже на артикуляционное чувство, описанное В. Гумбольдтом. Как Г.Г. Шпет увидел изнутри слово, так Н.А. Бернштейн увидел изнутри движение и действие. На рис. 2 показаны его представления о структуре действия. Во внутренней форме действия имеется место для образа результата, для слова и символа, выступающих в роли средств высшего уровня символических координаций действия.

Рис. 2

Модель Бернштейна



Последняя модель Н.А. Бернштейна лежит в основе практически всех современных моделей действия (performance).

Исследования развития движений были продолжены моим учителем А.В. Запорожцем (1905–1981). Он ввел понятие «внутренней картины» произвольного движения и действия и показал, что в эту внутреннюю картину (форму) входят образ ситуации и образ требуемых действий. Здесь уместно вспомнить и давние исследования конструктивных действий дошкольников, выполненные А.Р. Лурией, в которых была показана регулирующая их протекание роль слова. На рис. 3 представлена функциональная модель предметного действия, предложенная Н.Д. Гордеевой и В.П. Зинченко, которая является обобщением результатов исследований Н.А. Бернштейна, А.В. Запорожца и авторов модели.

Представления Н.А. Бернштейна, А.В. Запорожца, Н.Д. Гордеевой не противоречат представлениям Г.Г. Шпета о внутренней форме слова, лежащей в основе сценического действия актера. Только в этом случае (и еще в случае поэтического творчества) Г.Г. Шпет включает в состав внутренних форм слов создаваемые актером и поэтом образы. В случае актера он называет такие формы моторно-симпатическими, непосредственно связывая образ с действием и словом. Я был поражен, встретив у Г.Г. Шпета понятие живого движения и требования к его изучению. Возникло впечатление, что эти слова были написаны Н.А. Бернштейном или А.В. Запорожцем. Последний до своего прихода в психологию был актером в театре знамени-

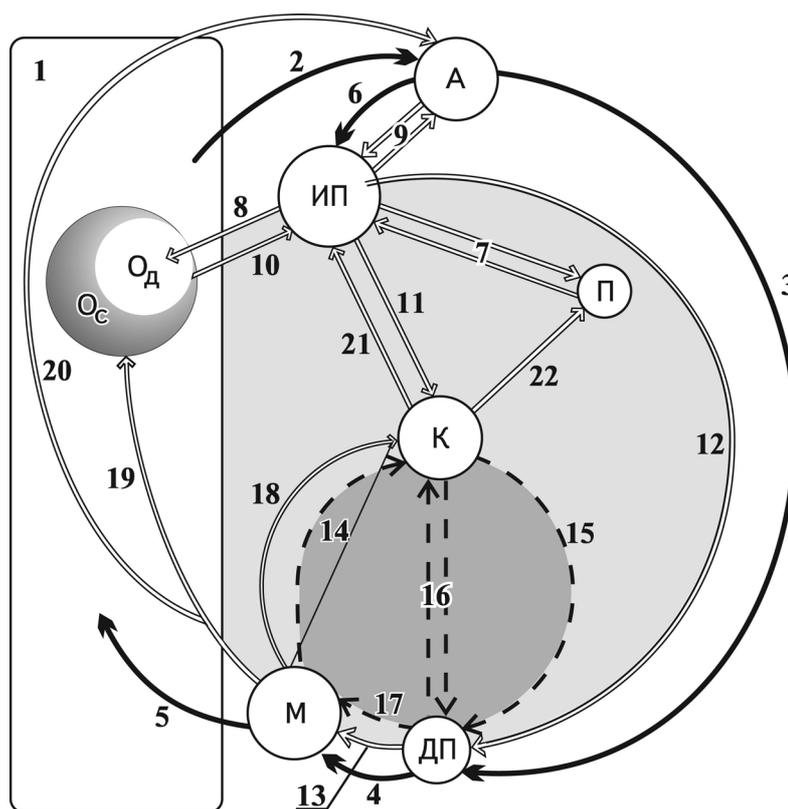
того украинского режиссера Леся Курбаса, учившего актеров *претворению*, преобразению своих движений в сценический образ.

Несколько слов о языке образов. А.В. Запорожец, его ученики и сотрудники (в их числе и я) много лет занимались проблемой формирования зрительного образа и пришли к заключению, что в его внутреннюю форму входят перцептивные движения и действия, которые привели к его формированию. Входит и слово, посредством которого возможна актуализация образа. Другими словами, в нее входит не только «предметный остов», но и действия по его построению. Может быть, А.В. Запорожец во время своей актерской работы *увидел* образ (и аффект) изнутри, что и повлекло его к психологии.

Разумеется, не только во внутреннюю форму слова входят значения и смыслы. Предметные, перцептивные и операциональные (моторные) значения и смыслы входят во внутренние формы образа и действия. В них присутствуют и свои динамические и по-своему логические формы. Таким образом, мы приходим к тому, что исследования Г.Г. Шпета, Н.А. Бернштейна и А.В. Запорожца дают основания говорить об общности строения слова, образа и действия. Все они имеют свои внешние и внутренние формы. Это не простая аналогия, а сущностное сходство, так как каждое из этих образований (орудий, инструментов, артефактов, функциональных органов, языков и т. п.), выступающее в роли средства поведения, деятельности, коммуникации, интеллекта, может иметь в своей внутренней форме два других. Действие содержит в себе слово и образ;

Рис. 3

Функциональная модель предметного действия (Н.Д. Гордеева, В.П. Зинченко, 1982)



Примечание. А – афферентатор полимодальный, П – схемы памяти, O_d – образ действия, O_c – образ ситуации, ИП – интегральная программа, план действия, М – моторный компонент, ДП – дифференциальная программа, К – контроль и коррекция; 1 – предметная ситуация (двигательная задача, мотив), 2 – установочный сигнал, 3 – текущие и экстренные сигналы, 4 – текущие и экстренные команды, 5 – изменение предметной ситуации, 6 – информация из окружающей среды, 7 – информация из схем памяти, 8 – актуализация образа, 9 – информация, релевантная двигательной задаче, 10 – формирование программы, плана действия, 11 – схема действия, 12 – детализация программ действия, 13 – моторные команды, 14 – текущая информация от движения, 15 – текущий коррекционный сигнал, 16 – упреждающая обратная связь, 17 – коррекционные моторные команды, 18 – конечная информация от движения, 19 – изменение предметной ситуации (информация для образа ситуации и образа действия), 20 – изменение предметной ситуации (информация для полимодального афферентатора, 21 – конечный результат, 22 – информация в схемы памяти.

слово — действие и образ; образ — действие и слово. Они обогащают, опосредуют, взаимопроникают и в известных пределах взаимозаменяют друг друга. Конечно, они входят в состав других внутренних форм не в первоначальном, а в сокращенном, превращенном, возможно, и в извращенном виде. Следовательно, слово, образ, действие не должны рассматриваться независимо друг от друга. Едва ли они обратимы (в смысле буквального перевода), но, как минимум, они побратимы, т. е. изначально родственны, они больше, чем знакомы, и не только узнают друг друга, но общаются друг с другом, обмениваются новостями и полноправно участвуют в построении образа мира и себя в нем, т. е. в познании, самопознании, деятельности, творчестве. Кстати, если уж говорить, подобно Н. Хомскому, о врожденности грамматических структур, то нужно быть последовательным и признать врожденность структур действия и образа. Каждая из них может быть ядром и оболочкой, оболочкой и выжимкой (ср. у О. Мандельштама: «Зрительные формы прорезаются, как зубы»).

Не противоречат ли приведенные размышления о взаимодействии внешних и внутренних форм слова, действия и образа воззрениям Г.Г. Шпета? Ответу его словами: «Чувственность и рассудок, как равным образом, случайность и необходимость,— не противоречие, а корреляты. Не то же ли в искусстве, в частности, в поэзии: воображение и разум, индивидуальное и общее, "образ" и смысл,— не противоречие, а корреляты. Внешняя и внутренняя форма — не противоречие и взаимно не требуют преодоления и устранения. Они

разделены лишь в абстракции и не заключительный синтез нужен, нужно изначальное признание единства структуры» (1999, с. 61–62). Едва ли сегодня нужно специально аргументировать, что сказанное Г.Г. Шпетом относится к чувствительности и движению, к образу и действию.

Итак, мы можем говорить о глубинном сходстве слова, образа и действия. Его основой может быть пока не выявленное и неявное единство их смысла, который, согласно Г.Г. Шпету, укоренен в бытии. В таком случае слово, образ и действие можно рассматривать не только как разные проекции мира-текста, возникающие на пути к проникновению в смысл — смысл бытия. Все вместе они подобны магическому кристаллу, отражающему разные грани последнего.

Гетерогенез слова, действия и образа

Возникает вопрос, достаточно ли зафиксированного нами глубинного сходства слова, образа и действия для категоричного утверждения (Шпета), что именно слово является началом и источником познания (и даже сознания, которое он характеризовал как слово: «Игра и жизнь сознания — слово на слово, диалог»)?

В этом пункте я выскажу не менее категорическое положение. У человека нет «чистых» невербальных или довербальных языков коммуникации и интеллекта, как нет и чисто вербальных форм этих актов (оставим в стороне патологические и идеологические формы резонерства). Человек при всем желании не может вернуться в свое довербальное состояние, период которого к тому

же необычайно краток, если он вообще есть. Слово сопутствует ему с момента рождения и до того, как проявится во всей пышной красе (или уродстве) своих внешних форм, оно проникает во внутренние формы движений, действий, образов, аффектов ребенка. Для такого слова имеются названия: «эмбрион словесности» (Шпет), «невербальное внутреннее слово» (Мамардашвили). О «семенном логосе» говорили античные философы. «Эмбрион словесности», «семенной логос» — это точные наименования для энергичной, активной, ищущей, порождающей внутренней формы слова, которая не нашла еще (или потеряла) выражения в имманентной ей внешней форме и до поры до времени скрытой под поверхностью других языков: моторных, перцептивных, знаково-символических и т. д. Если угодно, скрытой под покровом молчания или «мычания». Предмет в темноте одевается светом молнии, а слово начинает освещать предмет изнутри. Прислушаемся к близким Г.Г. Шпету размышлениям О. Мандельштама: «Словесное представление — сложный комплекс явлений, связь, «система». Значимость слова можно рассматривать, как свечу, горящую в бумажном фонаре, и обратно, звуковое представление, так называемая фонема, может быть помещена внутри значимости, как та же самая свеча в том же самом фонаре» (1987, с. 66).

Когда же внутреннее слово выныривает на поверхность, найдя свою внешнюю форму, чтобы воплотиться в ней, оно сократит, свернет и сохранит, но теперь в качестве своей внутренней формы те внешние формы действия, образа, в лоне которых оно

созревало и развивалось. Так, например, в структуре слова Г.Г. Шпет располагал образ как *sui generis*, внутреннюю поэтическую форму между звукословом и логической формой. Как самостоятельный предмет изучения он поместил его между «вещью» и «идеей» (1989, с. 445), т. е. там же, где П.А. Флоренский помещал символ. В свою очередь, языки действий, образов, становясь внутренними формами слова, сохраняют свои динамические свойства и не останавливаются в своем развитии. Такая логика не нова. Б. Спиноза говорил о памяти, как об ищущем себя интеллекте. Мы с Н.Д. Гордеевой рассматриваем живое движение как ищущий себя смысл. Видимо, и образ предмета может рассматриваться как ищущее себя слово. Позднее слово начнет искать адекватные ему образы действия или художественные образы. В последнем случае, согласно А. Бергсону, требуется максимальное умственное усилие.

Хотя семенной логос — это слово до слова (и не внутренняя речь!), но все же слово! Рискну предположить, что в этом смысле возникающее у младенца «дело» с самого начала становится словом. По крайней мере, уже блаженный Августин считал, что знаковая деятельность младенца (она же управляющая окружающими его взрослыми!) возникает раньше всех остальных. (У некоторых и с возрастом она остается единственной!) Плач или знаковое, складывающееся до исполнительного действия движение, например, ручки младенца к предмету, адресовано говорящему. Не уверен, так ли уж прав был Л.С. Выготский, утверждавший, что младенец, впервые породивший знак, узнает об этом последним.

Журден тоже не сразу узнал, что он говорит прозой, но ведь говорит же. Известно, что ухо младенца с двух-трехмесячного возраста начинает выделять фонемы родного языка и становится «глухим» к фонемам других языков. Очень рано слово из «звука пустого» превращается, как минимум, в значащее «ощущение» и само вызывает у младенца комплекс оживления. Младенец ждет слова и уже в двухмесячном возрасте фиксирует свой взор преимущественно на глазах и губах взрослого (Ф. Салапатека). Он впитывает (практически с молоком матери) человеческое и человеческое слово, и оно становится «семенным логосом». Таким образом, у человека с самого раннего детства все языки становятся вербальными, их оплодотворяет проникающее в их внутреннюю форму слово. Внутри них оно созревает и растет. Косвенным подтверждением этого является хорошо известный взрывной характер начала детского говорения (М. Монтессори называла это эксплозией детского языка), когда ребенок захлебывается в словах и фрустрирует по поводу непонимающего взрослого. Потребность ребенка в языке становится одной из самых сильных. В. Гумбольдт характеризовал ее как душевное требование облечь и вынести в звук все, что только воспринимается и ощущается. Значит, уже в самом раннем детстве происходят два *стремительно* идущих и противоположно направленных процесса — окультуривание натуральных функций и натурализация культурных (ср. у Иосифа Бродского: скорость внутреннего прогресса быстрее, чем скорость мира). Поэтому-то мы говорим о культуре как о

второй, а по сути — о первой природе человека. Б. Паскаль оптимистически считал, что «все можно сделать естественным».

В. Гумбольдт был прав, говоря, что «язык сильнее нас». Это настолько верно, что слишком часто человек вместо того, чтобы пользоваться словом, как орудием, сам становится орудием или органом языка. Хорошо, если таким органом становится, например, поэт, а не чеховский чиновник, не знавший, что значит встретившийся в тексте восклицательный знак.

Изложенное выше позволяет сделать заключение о гетерогенности слова, образа и действия, а их становление и развитие назвать гетерогенезом, в котором ведущую роль играет слово. Возможно, сам Г.Г. Шпет и не нуждался в такой аргументации, утверждая, что слово есть главный принцип познания. Но мне она была нужна для лучшего понимания этого утверждения.

Относительность дихотомии «внешнего» и «внутреннего»

Обратимся, наконец, к вопросу: могут ли изложенные положения о гетерогенности слова, образа и действия и об их гетерогенезе помочь в анализе творчества? Сегодня можно считать общим местом положение о том, что источник творчества расположен «внутри». В.В. Кандинский решительно и ярко выразил эту мысль: «Внешнее, не рожденное внутренним, мертворожденно» (Кандинский, 2004, с. 28). Можно согласиться с П. Жане, Ж. Пиаже, Л.С. Выготским и др. в том, что источником внутреннего являются внешнее поведение и

предметная деятельность, которые, между прочим, не могут не иметь своего не слишком нам известного и понятного внутреннего. Так что в каждом из эмпирически несомненных актов интериоризации и экстериоризации имеются свои неизвестные, поэтому мы не имеем права делать заключения об их симметричности или легко и бездумно выводить внутреннее из внешнего и наоборот. Можно, конечно, сказать, что интериоризация — это погребение (похороны) внешней предметной деятельности, а экстериоризация — это ее эксгумация, но не лучше ли поискать другой ход мысли.

Понятия «гетерогенность» и «гетерогенез» обязывают. Они означают нечто большее, чем «микст» или «синкрет». Представим себе «слово» во всей полноте его внешних и внутренних форм. Напомню, что, согласно Г.Г. Шпету, слово — это «социально-культурная вещь». Как таковая, она не может находиться только вовне или только внутри. Она и там, и там. Г.Г. Шпет допускал, что внешнее без внутреннего может быть (можно представить себе слово как звук пустой), но он настаивал, что нет ни одного атома внутреннего без внешнего. Г.Г. Шпет разделяет мысль В. Гумбольдта, что язык (значит, и слово) в каждый момент своего существования должен обладать тем, что делает его целым (Шпет, 1999, с. 44). А целое включает в свой состав и внешнее, и внутреннее. При этом Г.Г. Шпет не отрицает принципиальной неполноты момента, но отмечает ее своеобразие. Неполнота в данный момент тотчас же в следующий момент заполняется. «Противоречие, которое открывается между

заданной полнотою конкретного предмета и наличною неполнотою его для каждого момента, разрешается его собственным становлением, самим путем, непрерывным осуществлением» (Шпет, 1999, с. 39). К этому можно добавить, что в живых моментах, в мигах настоящего открывается целое, которое содержит и внутреннее, и внешнее, а также настоящее, прошлое и будущее. Такие моменты представляют собой виртуальные единицы вечности (Зинченко, 2005). Эти же рассуждения справедливы для других гетерогенных «слов», будь то слова-образы или слова-действия. Последнее доказано благодаря микроструктурному и микродинамическому анализу живого движения (Гордеева, 1995).

При такой трактовке гетерогенеза натуралистически понимаемая дихотомия внешнего и внутреннего представляет собой не более чем удобную фигуру речи, от которой, впрочем, не так легко отказаться в силу ее привычности. Она же провоцирует многих помещать внутреннее в глубины мозга или в тайны бессознательного. Первый вариант вне науки, а что касается бессознательного, то здесь уместно вспомнить его лингвоцентрическую трактовку Ж. Лаканом. Бессознательное зависит от языка, оно структурировано, как язык. Оно говорит, зависит от языка и бывает только у существа говорящего. Наконец, у него есть слушатель. Ведь бессознательное, впрочем, как и сознание, может себя выразить лишь посредством языков, доступных человеку, прежде всего в слове, образе и действии. А два последних, как мы видели, «пропитаны» словом или, точнее, — одушевлены словом.

Если поверить Ж. Лакану и принять терминологию Г.Г. Шпета, то бессознательное — такое же социально-культурное явление, как слово, и такая же культурно-историческая вещь, как сознание, т. е. оно также имеет свое внешнее и свое внутреннее. Значит, «внутреннее» — не более чем метафора, к тому же среди ряда эпистемологических метафор, помогающих представить и понять творческий акт, не самая удачная.

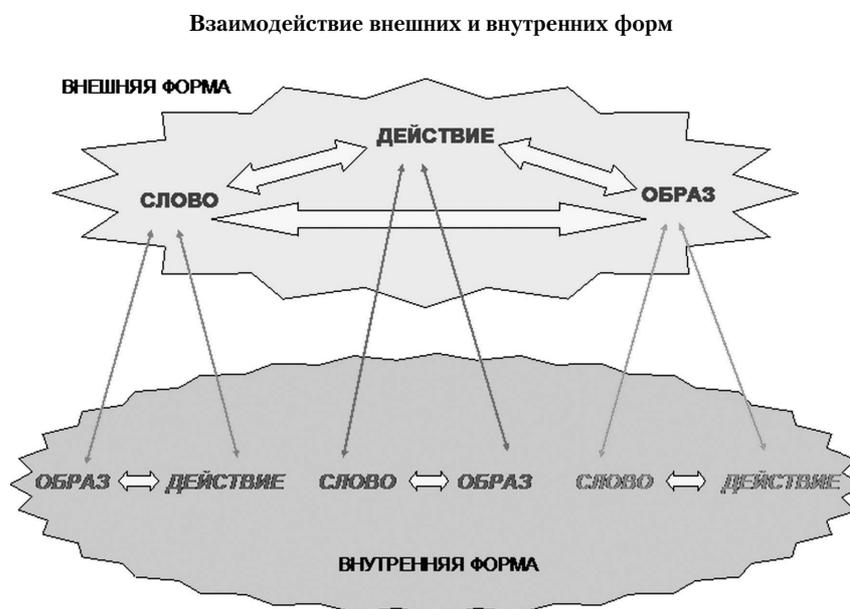
Метафора «плавильного тигля»

Обратимся к метафоре плавильного тигля (*melting pot*) В. Гумбольдта, которая может быть представлена как некоторое виртуальное, но вполне функциональное пространство или образно-концептуальная модель проблемной ситуации, в котором переплавляются, смешиваются, разъединяются, вновь соединяются и приобретают новые очертания внутренние формы слова, образа и действия. В тигле «внутренний огонь, пламеня то больше, то меньше, то ярче, то приглушенней, то живее, то медленней, переливается в выражение каждой мысли и каждой рвущейся вовне череды образов» (Гумбольдт, 1984, с. 105). Л. Витгенштейн, более чем 100 лет спустя после В. Гумбольдта, в письме Б. Расселу использовал ту же метафору: «Моя логика вся в плавильном тигле (*in the melting pot*)». Позже он комментировал ее: «Через полмесяца из расплавленной неопределенности выделяются очертания, совсем не похожие на то, что понимал под логикой Б. Рассел» (см.: Бибихин, 2005, с. 29). Замечу, что в плавильном тигле Л. Витгенштейна переплавились в

неопределенность, в некий, видимо, *плодотворный хаос* именно *логические формы*. М.К. Мамардашвили говорил о переплавке и кипении в «котле cogito»: «Без огня нет формы. Мы ведь глине придаем форму только огнем». Что же представляет собой реальность или «материя», находящаяся в этом «громокипящем кубке» (И. Северянин), в недрах или в ядре духа, где творится внешняя или наружная жизнь? Ответ вытекает из изложенного выше: переплавляются внутренние формы слова, действия и образа, находящиеся в тигле (см. рис. 4). Каждая из рассмотренных форм может быть представлена как своего рода органическая молекула, в которой образ, слово и дело связаны друг с другом посредством омывающей их «кровеносной системы смысла» (метафора Шпета). Следует учесть, что образ, слово и действие входят в соответствующие внутренние формы не названиями, а своими же собственными и, как показывает экспериментальная психология, сложнейшими структурами, хотя, возможно, и свернутыми до схем, подобных «семенному логосу», но не только как к зародышу развития, но и как к функциональному зародышу актуализации. Такие же схемы имеются в сфере перцепции и моторики.

Прежде чем характеризовать эти схемы, остановимся на аргументации Г.Г. Шпета по поводу того, почему именно внутренним формам, а не так называемому содержанию следует уделять главное внимание при эстетическом анализе поэзии и прозы, что, на мой взгляд, имеет более общее значение и непосредственно относится к анализу творчества. Замечу, что Л.С. Выготский, слушавший

Рис. 4



лекции Г.Г. Шпета и работавший в его семинаре, в своей «Психологии искусства» и в других произведениях игнорировал понятие «внутренней формы» и в соответствии с эстетической традицией разворачивал драму психологии искусства, основываясь на понятиях формы и содержания. Он рассматривал художественное творчество как преодоление содержания формой, что само по себе чрезвычайно интересно. Но, согласно Г.Г. Шпету, всякое «неопределенное содержание», от которого исходят, есть сложная структура форм, из коих каждая имеет соотносительное «содержание». Сказанное справедливо независимо от того, представлено ли содержание вовне или внутри. Г.Г. Шпет настаивает на том, что внутренние формы, руководимые реализуемой в слове идеей прагматического, научного, поэтического сообщения об объективных вещах и соот-

ношениях, также объективны: «Внутренние формы вообще суть объективные законы и алгоритмы осуществляемого смысла, это — формы, погруженные в само культурное бытие и его изнутри организующие» (Шпет, 1999, с. 215). Значит, внутренние формы — это не красивый ахматовский сор, из которого растут стихи, не шевелящийся хаос и не диффузное содержание. Иное дело, что они энергийны, динамичны, подвергаются (под руководством идеи) декомпозиции (если угодно — деконструкции) и композиции — претворению и преобразению.

Сказанное Г.Г. Шпетом о динамичности логических внутренних слов относится и к внутренним формам образа и действия, где есть своя логика и своя динамика, как минимум, внутренняя упорядоченность. Она постепенно вскрывается когнитивной психологией и психологией действия.

Думаю, что онтологические внутренние формы слова не только оплодотворяют онтические формы образа и действия, но и кое-что заимствуют у них. Как показывают исследования движения и действия, онтическое не обязательно дорефлективное (это отдельная проблема, заслуживающая специального изложения).

Вернемся к плавильному тиглю. В нем, конечно, преодолевается содержание, но содержание уже оформленное, пусть и распавшееся на отдельные фрагменты, осколки форм, но осколки, омытые «кровеносной системой смысла», сами ставшие молекулами, каплями, атомами смысла, его «материей». Их «рой превращается в строй» (А. Белый), возникает новая форма, которую Г.Г. Шпет называл *формой форм*. Его, конечно, можно упрекнуть в избыточном логизме трактовки творчества, но это скорее следует воспринимать как реакцию на распространенные и до наших дней иррациональные, вплоть до мистических, трактовки творчества. Впрочем, он не отрицал его спонтанности: «Начиная с момента выбора сюжета и до последнего момента завершения творческой работы, стилизующая фантазия действует спонтанно, однако каждый шаг здесь есть вместе и рефлексия, раскрывающая формальные и идеальные законы, методы, внутренние формы и пр. усвоенного образца» (Шпет, 1999, с. 225). Рефлексия в контексте спонтанного творчества понимается Г.Г. Шпетом как особая санкция — смысловая. Не только для психологии творчества, но и для психологии в целом такое совмещение спонтанности и рефлексивности беспрецедентно и освобождает науку от

гнета бессознательного. Это не так легко. Соблазн бессознательного слишком велик. Например, представитель постструктурализма Ю. Кристева помещает изобретенный ею «генотип слова» в якобы неподвластные кодам и структурам бессознательное.

Как следует из вышеизложенного, внутренние формы гетерогенны, т. е. каждая из них не является «чистой культурой». Парадокс и загадка состоят в том, как подобный гетерогенез, опирающийся на множественные гетерогенные формы, в итоге, так сказать, на выходе дает «чистые культуры» — внешние формы, порождает, «выплавляет» стиль. Стиль слова, живописи, скульптуры, танца, мышления и мысли, стиль поведения, наконец.

За каждым произведением угадывается (или не угадывается) богатое внутреннее содержание, богатство скрытых за ним внутренних форм. Не случайно Леонардо да Винчи сказал о живописи, что она есть «*cosa mentale*» — ментальная вещь, т. е. она, по определению, гетерогенна. Сумеет ли мы увидеть в произведении искусства его волшебную алхимию, сумеем ли проникнуть, увидеть за его чистейшими формами «бахрому» их внутренних форм, их смысл и значение? Это уже проблема нашей внутренней культуры, вкуса, богатства или бедности (иногда дикости) нашей собственной внутренней формы.

Викарные действия с нереализуемыми вовне моторными программами

Мне осталось обсудить последний по очереди, но не по значимости,

вопрос. С каким опытом психологии соотносятся представления о внутренних формах слова, действия и образа? Казалось бы, прежде всего понятие внутренней формы соответствует широко используемому в философии и психологии понятию «схемы». Примером могут служить: «схемное видение» (Р. Декарт); «трансцендентальная схема» как инструмент продуктивного воображения (И. Кант); «динамическая схема» (А. Бергсон); «мнемическая схема» (Ф. Бартлет); «сенсомоторная схема» (Ж. Пиаже). Общеупотребительными стали термины: перцептивные, оперативные, концептуальные схемы и т. д. Г.Г. Шпет весьма скептически относился к рассудочному схематизму И. Канта, так как он с самого начала считает, что рассудок глухонемой и бессловесный. Г.Г. Шпет приводит высказывание самого И. Канта, который называет схематизм «некоторым скрытым искусством в глубине человека» (Шпет, 1999, с. 144). Мне кажется, что и психологи, как философы и методологи, схематизировали понятие схемы: оно стало чем-то вроде повисшего в пустоте объяснительного принципа, «схематизма» психологического сознания, хотя это понятие само нуждается в объяснении и конкретизации. По мнению Г.Г. Шпета, понятие «внутренней формы» В. Гумбольдт ввел как оппозицию кантовскому понятию «схема».

Внутренняя словесно-логическая форма — не схема, не формула, а закон самого образования живого понятия, т. е. закон движения как развития, последовательную смену моментов которого Г.Г. Шпет называет диалектической сменой. Такая смена

отображает развитие самого смысла: его преобразование, даже пресуществление. Г.Г. Шпет умножает эпитеты. Внутренняя форма — прием, способ, метод формирования слов-понятий. Не только. Внутренняя форма — это отношение внешней сигнификативной формы и предметной формы вещного содержания. Отношение, а не условная связь, не рефлекс, не сигнал сигналов, не ассоциация. Отношение, которое нужно понимать как движение и жизнь внутренней формы, как развитие, осуществляющееся в *способах* соотнесения сигнификата и предметной формы. Открывающиеся в языке законы связаны друг с другом, но и согласованы и взаимодействуют с законами созерцания, мышления, действия, чувствования. Эти законы называются также живым комбинированием, интеллектуальными алгоритмами-приемами и, наконец, характеризуются как пути (Шпет, 1999, с. 124–125). «Движение» и «путь» — это ключевые слова в дальнейшем изложении (к ним можно лишь добавить «жизнь» и «истину»).

После конкретизации Г.Г. Шпетом понятия «внутренняя форма» возвращение к понятию «схема», даже с указанием на ее динамичность, едва ли целесообразно. Сказанное не означает, что нужно игнорировать накопленное психологией позитивное содержание, которое имеется, например, в понятии «сенсомоторная схема» и ему подобных.

Если внутренняя форма есть движение и путь, попробуем разобраться, какими средствами они осуществляются и достигаются. Представим себе, что мы совершаем (проигрываем) некоторое действие до действия,

произносим слова во внутренней речи, оперируем или манипулируем некоторым зрительным образом. Если последнее представить трудно, то поверим, что это легко делают дети-эйдетики и многие взрослые. При совершении таких доступных самонаблюдению актов многократно регистрировалась электромиограмма (в первых двух случаях) или движение глаз в случае зрительного представления. Значит, то, что обычно называют «внутренним действием» (исполнительным, речевым, перцептивным, умственным), или «действием во внутреннем плане», — не метафора. А действие, имеющее собственную доступную регистрации эффекторную. Так называемое внутреннее оказывается внешним. Регистрируемые движения интерпретируются двояко. Во-первых, как приведение соответствующих систем (виртуальных функциональных органов — в терминологии А.А. Ухтомского и Н.А. Бернштейна) в динамическое состояние готовности к выполнению действий. Во-вторых, как викарное, т.е. замещающее оперирование, манипулирование с реальными объектами и тем не менее дающее вполне реальный, осязаемый результат. Викарные действия должны обеспечиваться соответствующими, построенными ранее моторными программами (схемами). Естественно, на совершение викарных действий откликается не только периферия, но и соответствующие области мозга, что давно и хорошо известно по многочисленным записям ЭЭГ. А теперь представим себе (а скорее поверим), что подобные действия человек совершает в интервалах времени, недоступных самонаблюдению,

совершает с высокой скоростью и продуктивностью. Иногда они недоступны даже самоощущению. Данные, подтверждающие это, накоплены когнитивной психологией, психологией действия, психологией искусства, психологией шахматной игры и т. п. В такие «темные мгновения» совершаются многочисленные преобразования знаково-символической и образной информации. Для получения достоверных данных («откликов») о возможных физиологических механизмах осуществления таких актов недостаточно использовать разрешающую способность методов психофизиологии и нейропсихологии. С их помощью устанавливаются лишь факты изменения активности тех или иных структур мозга. Зато достаточна разрешающая способность психологических методов микроструктурного и микродинамического анализа когнитивных и исполнительных актов, дающих вполне достоверные и объективные результаты (см.: Зинченко, 2007). Ограничусь двумя примерами.

Первый пример из сферы шахматной игры. Когда профессионального шахматиста-гроссмейстера попросили запомнить фигуры и их расположение, показав ему на 0.5 секунды сложную шахматную позицию, он ответил: «Я не запомнил ни того, ни другого, но могу сказать, что позиция белых слабее» (устное сообщение В.Б. Малкина). Это хороший пример извлечения смысла ситуации без кропотливого анализа значений. Нечто подобное, видимо, происходит в сеансах одновременной игры на многих досках вслепую.

Второй пример из сферы арифметических операций. Не буду ссылаться

на феноменальных «счетчиков»; они вне научной интерпретации. Но есть, так сказать, профессиональные счетчики — энтузиасты клубов и школ абакка (от латинского *abacus* — разновидность счета), распространенных в Японии. Абак — это внешнее средство счета. Число на нем записывается в виде конфигурации бусинок. В результате обучения абак становится внутренним (или собственным) средством деятельности и работа на нем протекает во внутреннем плане. Мастера абакка оперируют числами со скоростью 5–10 чисел в секунду. При умножении двух- и трехзначных чисел или четырехзначного на двухзначное число ответ дается в пределах пяти секунд (Natanо, 1997; Коул, 2007). Еще более высокая скорость оперирования числами получена в исследованиях кратковременной памяти (Зинченко, Вучетич, 1970). При такой скорости недостаточно времени для проговаривания чисел ни в громкой, ни во внутренней речи. Попытки проговаривания во внутренней речи резко снижают точность ответа. Аналогичные результаты получаются при решении задач на манипулирование зрительными формами, их мысленного вращения (*mental rotations*). Значит, оперирование может осуществляться с невербализированными программами слов или с невизуализированными программами знаков, образов, или, наконец, с неактуализированными программами моторных действий, выступающих носителями «невербального внутреннего слова».

Н.А. Бернштейн называл «словарь» двигательных блоков (про-

грамм, схем) «фонотекой», понимая корень слова «фон» не как звук, а в буквальном смысле слова «фон». В зависимости от задач моторные программы при своей реализации могут порождать или действие, или образ, или слово. Здесь возникает много вопросов, заслуживающих специального исследования и обсуждения. Являются такие программы амодальными, полимодальными или специфическими? Например, если в плавильном тигле внутренние формы представлены специализированными моторными программами, то возможно установление между ними отношений по типу смыслового резонанса. Последний обеспечивает эффект языкового пула, о котором говорилось выше.

Главная мысль состоит в том, что именно викарные действия, совершаемые с собственными нереализуемыми вовне моторными программами, обеспечивают *динамику* внутренних форм, о которой постоянно говорил Г.Г. Шпет. Они же обеспечивают и работу плавильного тигля, в котором происходит переплавка внутренних форм и порождение нового слова, нового образа или нового действия, т. е. произведения, наполненного своими внутренними формами (формами форм). Произведение есть вызов нашей способности вчувствования, понимания и интерпретации, способности «вглядываться в строки, как в морщины задумчивости» (Р.М. Рильке). Остановлюсь на этом, поскольку теперь следует начинать новый разговор о механизмах (плохое слово) или о драме творчества.

Литература

- Бернштейн Н.А.* Физиология движения и активности. М.: Наука, 1990.
- Беспалов Б.И.* Действие. Психологические механизмы визуального мышления. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Бибихин В.В.* Витгенштейн: смена аспекта. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2005.
- Вутеичи Г.Г., Зинченко В.П.* Сканирование последовательно фиксируемых следов в кратковременной зрительной памяти // Вопросы психологии. 1970. № 1. С. 39–52.
- Гордеева Н.Д.* Экспериментальная психология исполнительного действия. М.: Тривола, 1995.
- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Функциональная структура действия. М.: Изд-во МГУ, 1982.
- Гордеева Н.Д., Зинченко В.П.* Роль рефлексии в построении предметного действия // Человек. 2001. № 6. С. 26–41.
- Гумбольдт В.фон.* Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.
- Запорожец А.В.* Избранные психологические труды. В 2 т. М.: Педагогика, 1986.
- Зинченко В.П.* Перцептивные и мнемические элементы творческой деятельности // Вопросы психологии. 1968. № 4. С. 3–7.
- Зинченко В.П.* Живое время (и пространство) в течении философско-поэтической мысли // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 20–46.
- Зинченко В.П.* Мысль и слово: подходы Л.С. Выготского и Г.Г. Шпета (продолжение разговора) // Густав Шпет и современные проблемы гуманитарного знания. М.: Языки русской культуры, 2006. С. 82–134.
- Зинченко В.П.* Гетерогенез творческого акта: слово, образ и действие в «котле cogito» // Современный когнитивный подход: философия и когнитивные науки. М.: Канон, 2007. С. 375–434.
- Зинченко В.П.* Порождение и метаморфозы смысла. От метафоры к метаформе // Точки-Puncta. 2007. № 1. С. 80–115.
- Зинченко В.П., Вергилес Н.Ю.* Формирование зрительного образа. М.: МГУ, 1969.
- Кандинский В.* Точка и линия на плоскости. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Коул М.* Переплетение филогенетической и культурной истории в онтогенезе // Культурно-историческая психология. 2007. № 3 (в печати).
- Мамардашвили М.К.* Эстетика мышления. М.: Московская школа политических исследований, 2000.
- Мандельштам О.* Слово и культура. М.: Советский писатель, 1987.
- Остин Дж.* Избранное. М.: Идея-Пресс, 1999.
- Хант Г.Т.* О природе сознания. М.: АСТ, 2004.
- Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989.
- Шпет Г.Г.* Внутренняя форма слова. Иваново: ИГУ, 1999.
- Cole M.* Culture and cognitive development in phylogenetic, historical development in phylogenetic, historical, and ontogenetic perspective // D. Kuhn and R. Siegler (eds.). Handbook of Child Psychology. Vol. 2: Cognition, perception and language. N. Y.: Wiley, 2006. P. 636–683.
- Hatano G.* Commentary: Core domains of thought, innate constraints, and socio-cultural contexts // H. M. Wellman and K. Inagaki (eds.). The Emergence of Core Domains of Thought: Children's Reasoning About Physical, Psychological, and Biological Phenomena. San Francisco: Jossey-Bass, 1997. P. 71–78.

Zinchenko Vladimir P. Thought and Word the Approaches of L.S. Vygotsky and G.G. Shpet // H. Daniels, M. Cole and J.V. Wertsch (eds.). The Cambridge Compa-

nion to – Vygotsky. Cambridge University Press, 2007. P. 212–245.

Zinchenko V.P., Vergiles N. Yu. Formation of visual images. N. Y.: Consultants Bureacy, 1972.